

Горбов Н. М. [Рец. на:] *Поселянин Е.* Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская земля. Во имя преп. Сергия. На бедствующих от неурожая. М., 1892 // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 8. С. 308–317 (2-я пагин.).

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ. Повесть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась Русская земля. Во имя преподобнаго Сергія. На бѣдствующихъ отъ неурожая. Москва, 1892. Цѣна 35 коп.

Предъ нами превосходно-изданная, отлично-иллюстрированная книжка, усердно распространяемая по баспословно дешевой цѣнѣ, „во имя преподобнаго Сергія“, „на бѣдствующихъ отъ неурожая!“ Въ самое короткое время она стала извѣстной; нѣкоторые газеты и журналы уже расхваляли ее. Интересно поэтому познакомиться съ нею.

Слѣдующій за заглавнымъ листъ увѣряетъ, что книжка издана „Преподобному и богоносному отцу нашему Сергію... во славу“ (по поводу 500-лѣтія его памяти), „на пользу юнаго поколѣнія роднаго края“. Въ чемъ же полагается слава преподобнаго Сергія, въ чемъ видитъ составитель пользу юнаго поколѣнія?

Обильные благочестивые эпитафии и рисунки, открывающіе книгу, возбуждаютъ самыя опредѣленныя и пріятныя надежды. Вамъ, очевидно, предлагаютъ исторію Россіи въ освѣщеніи православной мысли, видящей въ этой исторіи явные признаки непосредственнаго Промысла Божія. Ходъ ея, по мнѣнію автора, таковъ. Началочъ онъ считаетъ, какъ это и естественно, крещеніе Владимира. Затѣмъ онъ переходитъ къ Кіево-Печерской лаврѣ, не привлекающей, впрочемъ, къ себѣ его большаго вниманія. Лишь кратко поминаетъ онъ о ея просвѣтительной дѣятельности, добавляя: „Въ святой тишинѣ монастырской келліи зачалась *святорусская* лѣтопись“. Съ этихъ поръ „новая жизнь настала для Русн. Въ жизни русской начинается повесть о томъ,

какъ не людскою лишь силой, а Божьей помощью, стала Русская земля“.

И первой главой этой повѣсти была борьба Андрея Боголюбскаго съ Камскими Болгарами, поражение коихъ сопровождалось нѣсколькими чудесными обстоятельствами. Слѣдующимъ чудомъ было чудо знаменія Божіей Матери. „Новгородцы повели себя самовластно, исполнились гордыни, совершили много убійствъ и пролили много крови“. „Андрей Боголюбскій послалъ сына своего Мстислава смирить Новгородъ“. „Жестокій Мстиславъ, выступивъ въ походъ съ 72 князьями, оставлялъ за собой пепель и трупы“. И вотъ тогда Новгородцы подняли икону Богородицы, совершилось извѣстное чудо, и князья были побѣждены, — „и бысть супостатамъ тяжекъ путь той“. Надо замѣтить, что „супостаты“ это — князья, и помощь свыше оказана здѣсь „возгордившимся и проливавшимъ много крови“ (конечно русской) Новгородцамъ противъ Мстислава, который хотя и былъ жестокъ и также проливалъ кровь, но на сторонѣ котораго во всякомъ случаѣ была забота объ устроении земли Русской.

„Наступила страдная пора“, повѣствуетъ авторъ, — „положили Татары Русскую землю“. — „Подвиги пастырей Церкви, крѣпкая вѣра и праведная молитва помогли Русской землѣ не исчезнуть безслѣдно, но бодрствовать въ тишинѣ, работая для будущаго освобожденія“. Однако, это только фраза: рѣчь идетъ далѣе вовсе не о какой-нибудь внутренней работѣ Россіи, а о томъ, что во всякой другой исторіи, кромѣ русской, авторъ и самъ, вѣроятно, затруднился-бы поставить въ непосредственную связь съ „подвигами пастырей“ и „праведной молитвой:“ рѣчь идетъ просто-на-просто о военныхъ успѣхахъ Александра Невскаго, который въ битвѣ со Шведами „погубилъ безчисленное множество враговъ“.

Разсказъ переходитъ, затѣмъ, къ преподобному Сергію. Обѣтованіе, данное ему въ извѣстномъ видѣніи Пресвятой Дѣвой о вѣчной помощи Лаврѣ, авторъ поясняетъ такъ: „Бывали времена, когда при плѣненіи Москвы, при бѣдствіяхъ государственныхъ, раздорахъ гражданскихъ, въ тѣ дни, когда все клонилось къ конечной гибели, одинъ Троицкій монастырь Преподобнаго Сергія стоялъ неизблемымъ опло-

томъ царства и православія“. 500-лѣтняя исторія Троице-Сергіевой Лавры, дѣйствительно, тѣсно связана съ исторіей Россіи, ибо народъ Русскій видитъ и имѣетъ въ Лаврѣ одинъ изъ своихъ духовныхъ центровъ. Авторъ и признаетъ это въ витиеватой и неудобопонятной фразѣ: „Среди негаснущихъ чудесъ, у преславной раки преподобнаго и богоноснаго Игумена земли Русской, совершается многовѣковое великое таинство: тамъ, согласно съ Сергіемъ, дышетъ духъ народной русской жизни“. Но не сюда направлено его воинственное вниманіе, а ко временамъ „государственныхъ бѣдствій“ и „гражданскихъ раздоровъ“. Посему, сообщивъ, какъ митрополитъ Петръ общалъ Иоанну Калитѣ за построеніе Успенскаго собора возвышеніе Москвы, и что „руки его взыдутъ на плеча враговъ“, и о исцѣленіи митр. Алексіемъ ханской жепы — онъ спѣшитъ къ Куликовской битвѣ. Затѣмъ слѣдуетъ: освобожденіе Москвы отъ Тамерлана чудомъ отъ Владимірской иконы Божіей Матери, встрѣча Иоанна III-го съ Ахматомъ на берегахъ Уфы и спасеніе Москвы отъ Махметъ-Гирея, связанное въ народной памяти съ видѣніемъ въ Спасскихъ воротахъ. Изъ Казанской исторіи сообщаются чудеса, сопровождавшія взятіе города; но ни мирная дѣятельность государственной власти, ни просвѣтительная дѣятельность іерарховъ не оказываются заслуживающими упоминанія. Равнымъ образомъ, лишь нѣсколько строкъ посвящено и митр. Филиппу, причемъ одинаковое значеніе приписано какъ устройству Соловецкаго хозяйства, такъ и отношеніямъ митрополита къ царю.

За время Θεодора одинъ лишь моментъ, по мнѣнію автора, имѣетъ значеніе въ религіозно освѣщенной исторіи Россіи; это — нападеніе Крымцевъ. „Въ этотъ день ужаса, когда пѣніе смѣшивалось съ звуками пальбы и оиміамъ съ дымомъ пороха, одинъ человекъ изъ всего народа былъ ясенъ и спокоенъ, — тотъ, за кого умирали предъ стѣнами столицы. Утомленный долгою молитвой, Θεодоръ въ полдень съ высоты своего терема *равнодушно* смотрѣлъ на битву. За нимъ стоялъ добрый бояринъ Григорій Годуновъ, плача объ участи Москвы. Царь обернулся и сказалъ: „Не бойся: завтра не будетъ нечестивыхъ. То было пророчество“.

Наконецъ авторъ достигаетъ до періода, гдѣ ему пред-

ставляется обильнѣйшій матеріалъ для его „повѣсти“, — до Смутаго Времени. Все вниманіе его останавливаетъ на себѣ осада Троицкой Лавры. „28-го іюня замѣтно было у враговъ движеніе. Иноки кипятили смолу и сѣру, таскали известъ и камни на ограду“ и помощью такихъ средствъ, не имѣющихъ особеннаго христіанскаго характера, приступъ былъ отраженъ и „окончился позорнымъ отступленіемъ враговъ, потерявшихъ.... множество людей“. Дальнѣйшая борьба съ Поляками разсказана весьма подробно, но вслѣдъ за ней авторъ прямо переходитъ къ Петру Великому: время царей изъ дома Романовыхъ не вмѣщается въ его построеніе исторіи. Но и о Петрѣ сказано коротко, ибо авторъ снѣшитъ къ 1812 году, гдѣ ему можно разгуляться. За весь XVIII-й вѣкъ Русская земля — не „строилась“.

Само собой разумѣется, что народная борьба 1812-го года изложена съ большимъ увлеченіемъ; въ пылу краснорѣчія авторъ даже говоритъ (или признается), что „Русскіе во всякомъ непріятелѣ видѣли своего личнаго злодѣя“. Нельзя, конечно, скрыть, что въ то время на ряду съ идеальными побужденіями въ народѣ проснулись и звѣрскіе инстинкты, но авторъ не ограничивается однимъ признаніемъ, а, громоздя на цѣлыхъ страницахъ всякіе ужасы, упорно обставляетъ ихъ благочестивыми разсужденіями, не понимая всей неумѣстности такого приема.

Разсказъ о 1812-мъ годѣ заключается описаніемъ нѣкоторыхъ чудесныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто во время пожара Кремля, и затѣмъ книга кончается защитой Соловецкаго монастыря въ 1854-мъ году и, минуя „устройство“ русской земли въ прошлое царствованіе, — событіемъ 17-го октября 1889-го года.

Итакъ, на всемъ протяженіи Русской исторіи три чуда (прозрѣніе Владиміра, исцѣленіе ханской жены и 17-е октября) — и затѣмъ, — только побѣды надъ врагами, такъ или иначе достигнутыя. Такова „повѣсть“ г. Поселянина. Коротко говоря, она — сплошная ложь, и даже не благочестивая. Ложь потому, что не въ одной же враждѣ прошла русская исторія, — потому, что въ этой исторіи, кромѣ тяжелыхъ страницъ — военныхъ — много и ясныхъ страницъ внутренняго развитія, нравственнаго подъема и — что всего

въ данномъ случаѣ важнѣе—много страницъ просвѣтленія религіозной жизни. Ложь эта не благочестива потому, что, признавая непосредственное сверхъестественное воздѣйствіе на судьбу народовъ, христіанинъ не можетъ принять теорію Иліады, по коей явность этого воздѣйствія опредѣляется числомъ убитыхъ враговъ и количествомъ вылитой на нихъ кипящей сѣры.

Но вотъ въ чемъ дѣло. Книга назойливо рекомендуетъ себя своей усиленно-благочестивой внѣшностью и получила уже нѣкоторую извѣстность; она „предназначена для распространенія среди дѣтей, юношества и народа, въ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и сельскихъ школахъ, полкахъ и богадѣльняхъ“, „на пользу юнаго поколѣнія и во славу преподобнаго Сергія“. Такъ что же, эта непрестанная вражда по отношенію къ людямъ, это языческое суевѣріе по отношенію къ Богу, — объ этомъ проповѣдуются во славу великаго угодника, на пользу юнаго поколѣнія роднаго края?!... Гордись и злоствуй,—и тебѣ поможетъ самъ Богъ, таково ученіе, которымъ современные зилоты считаютъ нужнымъ назидать народъ.

Я говорю: „современные зилоты“. Повѣсть г. Поселянина, едва-ли даже понятная по своему странному языку тѣмъ читателямъ, для коихъ предназначается, не стоила-бы и минуты вниманія, если-бы она не была своего рода знаменіемъ времени, если-бы она не была крайнимъ, въ своей наивности, выраженіемъ тѣхъ quasi-патріотическихъ и quasi-православныхъ взглядовъ, которые не безъ успѣха стремятся теперь получить у насъ привилегію „истинно-русскаго направленія. Но поэтъ славянофильства давно уже сказалъ:

Не тернить Богъ людской гордыни,
 Не съ тѣми Опъ, кто говорить:
 „Мы—соль земли, мы—столпъ святыни,
 „Мы - Божій мечъ, мы—Божій щитъ!“—

такъ что слѣдовало-бы знать, что такое патріотизмъ, равно какъ и что такое христіанство.

Однако не знаютъ. И притомъ именно тѣ, кто до хрипоты кричатъ, что они, такъ сказать, специалисты въ этихъ дѣлахъ.

Мы не можемъ знать, къ чему ведетъ Богъ Россію, ибо пути Его неисповѣдимы; но мы знаемъ то, что намъ дапо, и что мы должны поэтому беречь, и чѣмъ должны жить. А дапо намъ, прежде всего, христіанство въ православной его формѣ. Если католицизмъ развилъ царственную сторону церковной жизни; если протестантство своимъ величайшимъ сокровищемъ считаетъ личную свободу христіанина, то православію поручено соборное храненіе истины, догматической и нравственной. О догматахъ здѣсь нѣтъ рѣчи; но въ чемъ нравственная истина христіанства? Въ томъ, несомнѣнно, что царство Божіе не отъ міра сего, а что условіемъ земной жизни должна быть любовь, та любовь, которая забываетъ даже саму себя. Болѣзненная, или самонадѣянная, забота о спасеніи своей личной души, какъ принципа индивидуальности, ведетъ, по ученію Евангельскому, лишь къ гибели ея идеальной жизни, и это ученіе относится вовсе не къ отдѣльнымъ только лицамъ, а къ цѣлымъ народамъ.

И именно, когда народъ считаетъ свою истину исключительной, то онъ тѣмъ старается спасти душу свою, и не успѣваетъ. Забота становится для него сама цѣлью, а духъ, который даетъ истинѣ жизнь, угасаетъ; одна форма истины, мертвая ея оболочка, наполняетъ все существованіе;—но какое же единеніе жизни съ смертью?!.. Да не будетъ того съ Россіей!

Чуднымъ образомъ нашъ національный характеръ совпадаетъ съ христіанской нашей задачей. Достоевскій однимъ словомъ опредѣлилъ Русскаго: всечеловѣкъ. Да, всечеловѣкъ! Въ насъ нѣтъ исключительности, и мы во всѣхъ отношеніяхъ воспринимаемъ и перерабатываемъ въ себѣ чужое, къ сожалѣнію, дурное такъ же, какъ и хорошее. Но можетъ быть мы дѣлали-бы выборъ тщательнѣе, если-бы ясно сознали, что это наше свойство—не „обезьянство“ одно.

То же и въ религіозной нашей жизни. Чтобы взять примѣръ, для всѣхъ безобидный: откуда проистекли католическія тенденціи Стефана Яворскаго и протестаптекія Теофана Прокоповича? Были-ли онѣ увлеченіями лицъ, или имѣли провиденціальныи смыслъ? И должны-ли мы относиться къ тому и другому только съ осужденіемъ? Кто

больше имѣть право носить ими православнаго? Тѣ-ли, кто искали правды или тѣ, кто отъ нея отвергаются, возмнивъ, что имѣютъ ее уже въ полной мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой правда, однако, доступна только Богу? И не есть-ли мысль человѣка, который равняетъ себя съ Всевѣдущимъ Богомъ, не правда, а ложь?

Но надо отдать и справедливость такому взгляду. Онъ упрощаетъ дѣло до крайности. Не только нѣтъ при немъ необходимости переводить на практику свои православныя убѣжденія, но нѣтъ поводовъ и знать ихъ положительный объемъ; вѣдь вся суть въ защитѣ отъ враговъ, въ пораженіи неправославнаго: задача, очевидно, отрицательная. Надо только припоминать, чего нѣтъ въ извѣстныхъ формулахъ, и съ этимъ бороться. Читающіе духовные журналы, вѣроятно, замѣтили извѣстіе о заботахъ нѣкоторой епархіи касательно всенароднаго пѣнія въ церквахъ, и какъ, по епархіи, было разъяснено, что поющіе должны непременно знать текстъ наизусть, а отнюдь не произносить его по книгѣ, ибо это явно напоминало-бы католицизмъ или протестантство: въ Тупиконѣ вѣдь нѣтъ ничего о пѣніи съ книгами въ рукахъ. Или, выскажетъ кто-нибудь, что христіанская любовь подразумѣваетъ не только извѣстный характеръ личныхъ отношеній, но и общественную дѣятельность, немедленно ревнители православія припоминаютъ, есть-ли въ катихизисѣ объ общественной дѣятельности;—нѣтъ, значитъ, мысль—не православна. Долгъ же православнаго этимъ заявленіемъ исполненъ во всѣхъ своихъ частяхъ.

Что же бы, однако, было, если-бы весь народъ сталъ на эту точку зрѣнія? Если-бы, вмѣсто того, чтобы творить дѣла милосердія, молиться, работать надъ внутреннимъ своимъ исправленіемъ, онъ заботился-бы только о томъ, какъ-бы не подпасть подъ подозрѣніе неправославія? Въ глухихъ, лѣсныхъ углахъ сѣвера многіе „церковные“, живя постоянно съ старообрядцами, крестятся двумя перстами:—православны они или нѣтъ?

Столь же упрощена и политически-общественная теорія г. Поселянина, преимущественно имъ и развитая. Цѣль государственной жизни—внѣшнее могущество и возможное

расширеніе территоріи; сюда и ведетъ Провидѣніе избраннѣйшій народъ Русскій.

Такова ея формула.

Но въ ней есть одно затрудненіе. Всякій, знающій кромѣ исторіи собственнаго сочиненія, и подлинную, не можетъ забыть, что могущество и обширная площадь—не исключительное качество православной Россіи, но и протестантской Англіи, напимѣръ, а въ прежнее время—и Рима, весьма языческаго, и разныхъ Персидскихъ и Вавилонскихъ монархій.

Какъ же тутъ быть? Затрудненіе это столь явно, что только зилоты и могутъ его не видать, а всѣ остальные смертные не избѣжно должны о него преткнуться. Но зилотамъ свойственно не замѣчать очевиднаго: вѣдь не замѣтили же они всей бессмысленности своего направленія въ Иудеѣ и тѣмъ вызвали разрушеніе Иерусалима.

Да, разрушеніе. Великъ былъ Римъ, долго существовалъ и казался неразрушимымъ,—по погибъ. Погибъ и Вавилонъ, и Ниневія,—и отъ всего ихъ величія остались только разбитые черепки, на которыхъ описано было неразбиваемое могущество ихъ владыкъ. Ужели же только къ такой безсильной силѣ ведетъ Богъ и Русскій народъ? И ужели чудо, что полураздѣтые Французы замерзали среди зимы?

Задача государства далеко не во всѣхъ частяхъ совпадаетъ съ задачей христіанскаго общества. Первая заключена въ предѣлахъ земнаго существованія; вторая — переступаетъ ея грань. Строго говоря, она исполняется только церковью. Но государство, тамъ, гдѣ оно не отдѣлилось отъ церкви, помогаетъ ей,—однако, въ чемъ же? Въ нравственномъ усовершенствованіи своихъ членовъ. Съ этой точки зрѣнія вѣншіе успѣхи не только, вообще говоря, безразличны,—по иногда полезными оказываются неудачи. И поэтому можно видѣть иногда руку Провидѣнія въ историческихъ событіяхъ, весьма противоположныхъ желаемымъ съ человѣческой точки зрѣнія. Севастопольское пораженіе заставило Россію оглянуться на себя и, сбросивъ свою гордыню, отказаться до нѣкоторой хотя бы степени отъ лишенныхъ любви идеаловъ, которымъ она дотолѣ служила. Въ чемъ же больше проявилось смотрѣніе Божіе: въ этомъ пораженіи или венгерскихъ побѣдахъ?

Типъ вѣншимъ образомъ могущественнаго и юридически-совершеннаго государства выработалъ въ классической древности; главнымъ образомъ, въ Римѣ. Онъ перешелъ и въ христіанскій міръ. Все, что видитъ г. Поселянинъ великаго въ нашей исторіи, относится именно къ развитію этого типа. Освобожденіе крестьянъ, судъ, стряхнувшій иго отвлеченной юридической формулы и нѣкоторыя другія реформы прошлаго царствованія были, дѣйствительно, шагами—на христіанскомъ пути. Но наши язычники этого не понимаютъ и, проникнутые своими языческими воззрѣніями, они приписываютъ славному въ Троицѣ Богу тѣ самыя благодѣянія, за которыя Римляне приносили жертвы Зевсу—Громовержцу.

Но Римская исторія, въ нравственномъ отношеніи, плапеудержимо къ паденію, между тѣмъ, какъ христіанскіе народы, въ томъ числѣ и Русскій, непрестанно совершенствуются или должны совершенствоваться. Въ этомъ процессѣ, и только въ немъ, не трудно разсмотрѣть Божью помощь. Истинный христіанинъ и истинный другъ народа, желая объяснить послѣднему глубокой смыслъ его исторической жизни, долженъ былъ-бы указать именно на эту ея сторону, раскрыть въ исторіи дѣйствіе животворящаго и любвеобильнаго Духа Божія, припомнить всѣ высокія и свѣтлыя минуты, когда народъ отвращался отъ земныхъ пристрастій и направлялъ все стремленіе своего духа къ полнотѣ христіанской жизни; наконецъ онъ долженъ былъ-бы напомнить, что узки врата, ведущія къ спасенію, что не мало на этомъ пути соблазновъ, но что соблазны эти, однако, могутъ быть и на пользу, если впадающіе въ нихъ находятъ въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ, чтобы ими же, этими соблазнами, и очищаться.

Вотъ какова была-бы истинная повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась земля Русская, — повѣсть, осмысленная вѣрой въ Бога и заботящаяся о пользѣ народа. Та же, которую мы имѣемъ передъ собой, проникнута прямо противоположнымъ духомъ, преслѣдуетъ прямо противоположныя цѣли.

Но утѣшимся тѣмъ, что она не страшна Русскому народу. Онъ вынесъ Татарщину, вынесъ Смутное время; онъ

претерпѣлъ нигилистическую пропаганду 70-хъ годовъ; реторика-ли современныхъ зилотовъ ему будетъ опасна?

Н. Горбовъ.

Примѣчаніе редакціи. Нужно согласиться съ авторомъ, когда онъ возстаетъ противъ увлеченія одностороннею мыслию о „нобѣдахъ и одолѣніяхъ“, какъ единственной средѣ, въ которой является содѣйствіе свыше: но и авторъ долженъ согласиться, что монгольское, напримѣръ, иго не можетъ представляться желательнымъ въ видахъ духовно-нравственнаго преуспѣянія. Намѣствія иноплеменныхъ, во всякомъ случаѣ, создаютъ условія, среди которыхъ и жизнь духовно-нравственная встрѣчаетъ великую помѣху къ правильному развитію.
